

МАРИЯ И. МАТЮШЕВСКАЯ¹

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПАРАДИГМ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В.О. КЛЮЧЕВСКОГО)

Статья посвящена историографической оценке эпохи позитивизма в исторической науке России второй половины XIX - начала XX века. На примере анализа трудов российских историков начала XX века, советской историографии и современной историографии Восточной Европы показана актуальность и дискуссионность данной оценки, необходимость дальнейшего научного изучения эпохи позитивизма. Особое внимание в статье уделено анализу историографических оценок научного творчества В.О. Ключевского. В статье сделан вывод о том, что сегодня более глубокого историографического изучения требуют темы: научная методология В.О. Ключевского в контексте работ современных ему западноевропейских учёных; влияние школы В.О. Ключевского на формирование в Российской империи рубежа XIX–XX веков национальных историографий; методика преподавания истории В.О. Ключевского.

Ключевые слова: аксиология, компаративистика, научный дискурс, научная школа, методология истории, источниковедение, позитивизм, интеллектуальная история, публичная история, Московский университет.

¹ Marija211170@yandex.ru

В современном историческом познании ценностный подход играет очень важную и определяющую роль для результата научного исследования. Как отмечает доктор исторических наук С.П. Рамазанов, на сегодняшний день в изучении истории выделяются два варианта ценностного подхода:

- 1) исследование мыслей и действий людей прошлого с позиций ценностей их времени;
- 2) познание истории с позиции современных социальных ценностей – выбор историками фактов прошлого с точки зрения их значимости для современных эстетических, этических, правовых, идеологических, политических ценностей, а также ориентация на ценностную оценку этих фактов.²

С.П. Рамазанов полагает, что в логическом отношении в историческом исследовании можно разделить ценностный подход и ценностную (аксиологическую) оценку. Аксиологическая оценка устанавливает этическую, эстетическую, правовую, политическую значимость явлений и процессов прошлого для познающего субъекта, общественных групп или современного общества. С помощью ценностного подхода оценка фактов не производится. Ученый лишь выбирает факты, находящиеся в положительном или отрицательном отношении к ценностям, и игнорирует нейтральные по отношению к ним факты. Однако специфика субъектно-объектных отношений в историческом познании такова, что в ситуации, когда человек изучает человека и человеческое общество полностью элиминировать аксиологическую оценку из исторического исследования невозможно. Поэтому ценностный подход в историческом исследовании способствует выполнению таких функций исторической науки, как социальная память и воспитание общества.

В современных историографических исследованиях ценностный подход – предмет разноплановых научных дискуссий. С конца XX века они разворачиваются вокруг понятий «парадигма», «тип рациональности». По мнению доктора философских наук А.В. Лудского, в исторической науке парадигма

«...задаёт способ видения предметной области конкретного исторического исследования и определяет методологические средства для решения его научных задач. Выбор той или иной парадигмы исторического исследования обусловлен, прежде всего, той моделью исторического исследования, в рамках которой осуществляется научно-исследовательская деятельность историка. В этом плане можно выделить, например, «парадигму интересов» и «парадигму ценностей», доминирующие, соответственно, в классической, базирующейся на идее социального детерминизма, и неклассической, основанной

² Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (Москва: Аквилон, 2014), 528.

на опыте феноменологической альтернативы, моделях исторического исследования...³».

Характерная черта современной исторической науки – методологический плюрализм, мультипарадигмальность, которая базируется на принципах вариативности исторической реальности, дополнительности по отношению к предмету научного исследования, альтернативности в решении определенного класса исследовательских задач, ограниченности интерпретаций исторической реальности, когда ни одна из них не может быть признана в качестве универсальной методологии научного исследования. Переживая методологические повороты в историческом познании, современная наука переходит к изучению новых предметных полей, использованию новых методов в работе ученых. В настоящее время историки стремятся восстановить синтезирующий потенциал исторического знания и осуществить «холистский рывок» путём проведения кросс-дисциплинарных научных исследований.⁴

Поиск новых предметных полей научного исторического исследования сегодня особенно актуален на постсоветском пространстве. Уход от марксистско-ленинской методологии истории и связанных с ней историографических оценок вызвал к жизни научные исследования, которые привели к переоценке сложившихся в советской исторической науке стереотипов. От критики буржуазной исторической науки ученые перешли к анализу и использованию её теоретического потенциала, стали разрабатывать свои научные концепции.

В частности, доктор исторических наук С.И. Маловичко указывает, что актуальным предметным полем исторического знания сегодня является источниковедение историографии. С.И. Маловичко предлагает использовать в качестве теоретической основы источниковедения историографии феноменологическую концепцию.⁵ Он доказывает необходимость введения новой видовой классификации произведений историков:

«...Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru предлагает разделять виды историографических источников по типу презентуемого исторического знания на две группы: 1) виды историографических источников научной теории; 2) виды историографических источников социально ориентированного историописания. При изучении соотношения разных типов исторического знания вполне работает базовый принцип источниковедения, применяемый при определении видовой природы исторического источника, – целеполагание. Поэтому сосредоточение внимания

³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (Москва: Аквилон, 2014), 372.

⁴ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (Москва: Аквилон, 2014), 386–387.

⁵ Маловичко С. И. «Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии», *Диалог со временем*, 2013, вып. 44, 112–126.

на типах исторического знания – научном и социально ориентированном – способствует выявлению специфики их сосуществования и помогает вырабатывать критерии, позволяющие в историографическом исследовании<...>отличать научное исследование от социально ориентированного историописания...⁶».

Сегодня продолжает сохраняться утвердившаяся во второй половине XX века научная традиция восприятия историографии как дисциплины, выполняющей функцию сохранения культурной памяти. Однако вопрос о роли и месте историографических исследований в развитии исторической науки остаётся дискуссионным.⁷

Ведущей тенденцией в развитии историографии на сегодняшний день является интеллектуальная история. Она предполагает интердисциплинарность проводимых научных исследований, введение в научный оборот новых теоретических понятий – «интеллектуальный ландшафт», «интеллектуальный дискурс», «социокультурная традиция» и др. Как отмечает доктор исторических наук Л.П. Репина, коммуникативной стратегией интеллектуальной истории является «история для всех», «публичная история», ориентированная на публику за пределами профессионального научного сообщества. Л.П. Репина пишет:

«...Важнейшая функция исторической науки состоит в воздействии на общественное сознание, на представления людей об окружающем мире и об обществе, в котором они живут, а также о своем далёком и недавнем прошлом. Сторонники и разработчики программ «публичной истории» (её также иногда называют «народной» или «популярной» историей) прилагают усилия для раскрытия механизмов такого воздействия, причём как научного знания, так и мифологических построений. Вообще тема мифов в истории, роли доминирующих и конкурирующих образов прошлого, сложившихся спонтанно или умело внедренных в массовое сознание, привлекает всё большее внимание мировой историографии. Новый поворот привел и к интенсивной разработке различных аспектов проблемы «мест памяти», «образов прошлого», «исторической мифологии»<...>Однако как обсуждение, так и решение этих вопросов невозможно без глубокого анализа теоретических оснований, методологических аспектов и актуальной исследовательской практики мировой и отечественной историографии...⁸».

Л.П. Репина полагает, что одной из исходных предпосылок современной интеллектуальной истории является осознание неразрыв-

⁶ Маловичко С. И. «Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания», *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2015, сер. 2, вып. 4, 127.

⁷ Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. «К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки», *Вестник Тюменской государственной университетской*, 2004, № 1, 79–91.

⁸ Репина Л. П. *Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. (Москва: Кругъ, 2011), 23–24.

ной связи между историей идей и идейных комплексов, а также условий и форм интеллектуальной деятельности – «средой обитания», теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Речь может идти о реализации в науке проекта «новой культурно-интеллектуальной истории». Её задача состоит в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания в их социокультурном контексте.⁹

В изучении интеллектуальной истории одним из приоритетных направлений является анализ истории науки России периода XVIII–XX веков. Она рассматривается с позиции экологии науки – культурной, семиотической среды, в которой формируется и живет ученый, усваивает правила выбора будущей профессии, традиции пользования книгами и другими источниками информации, конструирует свои представления о смысле жизни, долге и ответственности перед обществом, об отношениях с людьми вне круга профессиональных обязанностей и с коллегами.¹⁰ Анализируются архивные документы, посвященные вопросам университетской автономии и самоуправления, формирования профессионального самосознания русских профессоров.¹¹ Рассматриваются образы университетов Российской империи второй половины XIX – начала XX века в публицистике и историографии¹², немецкое культурное влияние на российскую науку¹³. Происходит рефлексия и сравнительный анализ состояния советской и современной историографии в области изучения истории исторической науки России¹⁴. Главной площадкой для дискуссий является журнал «Диалог со временем», в каждом номере которого затрагивается тот или иной аспект данной научной проблемы.

Особый интерес учёных вызывает период второй половины XIX – начала XX века – эпоха позитивизма и его кризиса в российской исторической науке. Этой теме посвящены монографии белорусских и украинских историков. Доктор исторических наук А.Н. Нечухрин рассмотрел теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии на примере анализа научного творчества

⁹ Репина Л. П. История исторического знания. (Москва: Дрофа, 2006), 209.

¹⁰ Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.) Москва: Едиториал УРСС, 1999.

¹¹ Вишленкова Е. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность Москва: Новое литературное обозрение, 2012.

¹² Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2006.

¹³ Посохов С. И. «Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX веков (к вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния)», *Диалог со временем*, 2011, вып. 36, 140–165.

¹⁴ Мягков Г. П. «Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования». *Диалог со временем*, 2011, вып. 34, 206–214.

Н.И. Кареева и Р.Ю. Виппера¹⁵. Историк придерживается мнения о существовании в российской историографии последней трети XIX – начала XX века двух основных парадигм научного знания – позитивизма и «критического позитивизма». А.Н. Нечухрин перечисляет их существенные черты:

«...Основное содержание позитивистской парадигмы истории: гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразить в благоприятную для человека сторону мир;

утверждение единства научного знания;

стремление «подтянуть» историю до уровня естественных наук за счет реализации в ней основных идеалов и норм естественнонаучного исследования;

объективизм;

признание существования законов развития общества;

признание наличия прогресса в истории человечества;

трактовка общества как организма;

теория факторов <...>

Парадигма истории «критического позитивизма»:

пристальный интерес к теоретико-методологическим вопросам истории, результатом чего явилось оформление методологии истории в самостоятельную дисциплину;

выдвижение субъекта познания как активного творческого начала в процессе познания, рассмотрение субъекта познания как детерминированного историческим миром;

отстаивание единства научного знания с учетом специфики истории как общественной по своей природе науки;

утверждение относительного характера исторических истин, их зависимости от социальной практики современности;

признание повторяемости основных элементов и стадий в общественно-историческом процессе. Гносеологическое понимание категории «закон» в истории;

защита роли общих понятий в историографии;

пристальное внимание к социально-экономической стороне истории, вплоть до признания социально-экономического фактора структурообразующим;

отказ от теории исторического прогресса, сосредоточение внимания на сравнительном социологическом изучении отдельных культур и народов;

модернизация древней истории...¹⁶».

¹⁵ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003.

¹⁶ Нечухрин А. Н. «Парадигмальный подход в постсоветской историографии». Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации, (Гродно: ГрГУ, 2013), 23–24.

А.Н.Нечухрин признаёт, что в современной науке понятие «позитивистская парадигма истории» привилось и вошло в исследовательский арсенал. К понятию «критический позитивизм» отношение учёных остаётся настороженным.

Доктор исторических наук Е.Н. Богдашина рассмотрела рецепцию позитивизма и его теоретико-методологические основы в исторической науке Украины¹⁷. Е.Н. Богдашина осветила проблему в контексте развития мировой исторической мысли, провела её системный анализ в историографическом и историософском аспектах, а также раскрыла позитивистскую трактовку украинскими историками цивилизационной концепции исторического процесса¹⁸.

Кандидат исторических наук М.Ф. Румянцева в учебном пособии для студентов и магистрантов высших учебных заведений, созданном коллективом российских историков, описала позитивистскую парадигму источниковедения, сложившуюся в Европе на рубеже XIX–XX веков. Автор представила сравнительный анализ теоретических трудов И.Г. Дройзена, Э. Бернгейма, Э. Фримана, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.И. Кареева. По заключению М.Ф. Румянцевой,

«...для XIX в. было характерно расширение источниковой основы исторических исследований, введение в научный оборот большого количества исторических источников, детальное изучение отдельных памятников в рамках филологической и исторической критики, под которой понимался весь комплекс источниковедческих процедур – от техники атрибуции исторических источников до методов установления достоверности фактов, обзора и систематизации известного корпуса исторических источников...¹⁹».

Позитивизм в европейской исторической науке XIX–XX веков обслуживал интересы политической истории. Она была актуальна в связи с потребностью формирования национально-государственной идентичности, и поэтому не случайно, что авторы ставших классическими трудов по методологии истории вошли в число заметных исследователей политической истории.

В данном учебном пособии М.Ф. Румянцева много внимания уделила источниковедению неклассической модели науки – русской версии неокантианства и концепции источниковедения академика А.С. Лаппо-Данилевского²⁰. К этой же теме она обратилась на круглом столе «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков», состоявшемся в Москве в апреле 2013 года. Считая русское неокантианство самостоятельным, оригинальным эпис-

¹⁷ Богдашина Е. Н. Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.). Харьков : Изд-во Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Каразина, 2013.

¹⁸ Богдашина О. «Цивілізаційний дискурс у трактовці істориків-позитивістів підросійської України другої половини XIX – початку XX ст.». *Цивілізаційні дискурси світової та української історіографії*, (Київ : Київ. ун-т ім. Б. Гринченка, 2017), 217–235.

¹⁹ Источниковедение. (Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015), 41

²⁰ Источниковедение. (Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015), 42–76.

методологическим явлением, М.Ф. Румянцева высказала мысль, что различие русского и немецкого (Баденская школа) неокантианства – один из существенных факторов, обусловивших различие путей развития методологии истории в России и на Западе на протяжении всего XX века²¹.

Высокая научная оценка теоретических идей А.С. Лаппо-Данилевского сегодня дана в трудах многих российских исследователей. В частности, кандидат исторических наук Л.К. Рябова и кандидат философских наук А.А. Рябов полагают, что методологические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского соответствуют тем направлениям, в которых развивается современная западная теория истории. Несмотря на большую дистанцию во времени сегодня можно говорить о «научном диалоге» А.С. Лаппо-Данилевского и таких ведущих представителей западной теории истории, как Р. Арон, Ф. Анкерсмит, П. Бёрк, Дж. Л. Гэддис, А. Данто, А. Мегилл, П. Рикёр и др.²²

Среди российских историков второй половины XIX – начала XX века, к изучению творчества которых сегодня наиболее активно обращаются учёные, заметное место принадлежит также доктору русской истории, профессору Московского университета В.О. Ключевскому (1841–1911).

Историографические оценки его трудов, появившиеся в российской науке в течение минувшего столетия, очень разнообразны. Уже современники историка высказывали противоположные точки зрения на его творчество. В 1912 году профессора Москвы и Петербурга объявили В.О. Ключевского основателем первой истинно научной школы в России²³. Однако после революционных событий Октября 1917 года ученик В.О. Ключевского академик М.Н. Покровский утверждал: «...Лет через 15–20 читать Соловьева и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина...»²⁴. Такой прогноз был сделан им, исходя из понимания научных принципов историка как «домарксистских». В 1930-х годах после отказа учёных от «теории торгового капитала» М.Н. Покровского дискуссии о сущности и значении для исторической науки творческого наследия В.О. Ключевского возобновились вновь.

1950–1980-е годы стали качественно новым этапом изучения трудов В.О. Ключевского. В это время доктор исторических наук А.А. Зимин систематизировал и обработал архивные материалы, связанные с именем В.О. Ключевского. Материалы архива дали возможнос-

²¹ Румянцева М. Ф. «Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства». *Сайт Источниковедение.ru*, режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/rumianceva_ld/16-1-0-137

²² Рябова Л. К., Рябов А. А. «Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории». *Новейшая история России*, 2014, № 1 (09), 8–16.

²³ В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. Москва : Изд-во «Научное слово», 1912.

²⁴ Покровский М. Н. Предисловие. *Русская историческая наука в классовом освещении*. (Москва: Изд-во Коммунистич. Академии, 1927), т. 1, 8.

ть в 1956–1959 годах издать 8-томное Собрание сочинений историка. В 1960–1970-е годы вышла в свет целая серия научных трудов, посвященных анализу научных работ учёного. В них были перечислены положительные для советской науки черты творческого наследия В.О. Ключевского: проблемность научных изысканий, широкий теоретический подход, материалистическое понимание истории, ориентация на научные обобщения и вскрытие отдельных закономерностей исторического процесса, интерес к методологии и социально-экономическим вопросам истории.

Кандидат исторических наук Э.Г. Чумаченко указала на новаторство учёного во введении в оборот разных типов исторических источников, тщательность их анализа и обработки²⁵. Кандидат исторических наук Р.А. Киреева писала, что В.О. Ключевский как историограф пошел гораздо дальше предшественников. Он не только ввел преподавание историографии в Московском университете, но и поставил и решил в своем спецкурсе многие её научные проблемы²⁶. Доктор философских наук А.В. Гулыга²⁷, а также доктора философских наук Г.М. Иванов, А.М. Коршунов и Ю.В. Петров отметили мастерство В.О. Ключевского в создании им исторического образа как важнейшего познавательного средства²⁸. Доктор исторических наук Н.А. Ерофеев обратил внимание на пренебрегаемую в советской исторической науке тему – жития святых, и на примере В.О. Ключевского утверждал необходимость изучения житийной литературы²⁹.

Однако в целом на протяжении 1950–1980-х годов в характеристике В.О. Ключевского как учёного доминировала отрицательная оценка. Советские исследователи сходились в том, что он, являясь буржуазным историком, не смог подняться до истинно научного понимания исторического процесса, которое выражено в категории «общественно-экономическая формация». Его обвиняли также в политическом идеализме. На этом основании научные взгляды историка были причислены к разряду позитивистской науки.

Наиболее полно эту точку зрения высказала академик М.В. Нечкина в фундаментальном труде «Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества», который был написан на основе работы с различными видами архивных и историографических источников, а также анализа сочинений В.О. Ключевского и фактов его биографии. М.В. Нечкина рассмотрела неоднократно дискутировавшийся в советской науке вопрос, существовала ли в России рубежа XIX–XX веков школа В.О. Ключевского. М.В. Нечкина утверждала, что «школой» в подлинно научном смысле может быть только такой творче-

²⁵ Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед. Москва: Наука, 1970.

²⁶ Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. Москва: Наука, 1966.

²⁷ Гулыга А. В. Эстетика истории. Москва: Наука, 1974.

²⁸ Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. Москва: Высш. шк., 1981.

²⁹ Ерофеев Н. А. Что такое история. Москва: Наука, 1976.

ский коллектив, который складывается вокруг авторитетного лидера и работает на единой методологической платформе в одном теоретическом направлении³⁰. Научная деятельность учеников и последователей В.О. Ключевского подобным требованиям не отвечала. На этом основании М.В. Нечкина, а вслед за ней и остальные советские учёные придерживались вывода об условности существования московской исторической школы.

В 1987-1990 годах в СССР вышло в свет 9-томное Собрание сочинений В.О. Ключевского. Над его изданием работал творческий коллектив в составе члена-корреспондента АН СССР В.Л. Янина, докторов исторических наук В.А. Александрова и Р.В. Киреевой, кандидата исторических наук В.Г. Зиминной. Ими была дана высокая оценка научных трудов В.О. Ключевского. В 1990 году в журнале «Вопросы истории» была также опубликована статья профессора Т. Эммонса, который дал такую характеристику творческого наследия учёного:

«...Школа В.О. Ключевского за одно поколение настолько расширила тематику исторического исследования, что все это преобразило облик русской историографии. Некоторые из работ его учеников поражают современностью понимания «событийного», опередив почти на целое поколение достижения школы «Анналов»...³¹».

Эти оценки авторитетных исследователей стали стимулом для новых дискуссий в науке, которые продолжаются до сегодняшнего дня.

На современном этапе изучения творческого наследия В.О. Ключевского наиболее разработанным вопросом является тема основанной им научной школы. Начало 2000-х годов ознаменовалось выходом в свет целого ряда публикаций, которые опровергли утвердившееся среди историков мнение М.В. Нечкиной.

В частности, кандидат исторических наук С.П. Бычков и доктор исторических наук В.П. Корзун в учебном пособии для студентов исторических факультетов, соглашаясь с мнением Т. Эммонса, обратили внимание на двустолочность русской культуры. Они показали, что на рубеже XIX-XX веков произошло формирование двух самостоятельных научных школ – московской и петербургской. Каждая из них имела свои институциональные рамки, интеллектуальных лидеров, программу научных исследований³².

Доктор исторических наук А.С. Попов отметил междисциплинарный подход В.О. Ключевского к историческому исследованию и доказал, что учёный стал основателем нового направления в историчес-

³⁰ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский : История жизни и творчества. (Москва: Наука, 1974), 375.

³¹ Эммонс Т. «Ключевский и его ученики», *Вопросы истории*, 1990, № 10, 57.

³² Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск: Омский гос. ун-т, 2001.

кой науке России – исторической социологии, а его дело продолжили ученики – П.Н. Милюков и Н.А. Рожков³³.

Доктор исторических наук Н.Н. Алеврас охарактеризовала методологию школы В.О. Ключевского. Она отметила, что методологические основания исследовательских проектов В.О. Ключевского и его учеников вписываются в позитивистскую парадигму:

«...Позитивистская доктрина воодушевляла их в рассуждениях о предмете исторической науки, в поисках механизмов, определявших ход и сочетание различных сторон развития истории, в разработке методов познавательной деятельности историка, в объяснении исторических явлений. В этом отношении Ключевский и его ученики дистанцировались от идеалистической гегельянской схемы истории, присущей большинству представителей государственной школы, в том числе С.М. Соловьеву...³⁴».

Однако Н.Н. Алеврас подчеркнула факт наличия особенностей позитивистской программы исторического исследования В.О. Ключевского:

«...Она складывалась на основе параллельного процесса освоения им позитивизма и определенных сомнений в истинности и научной эффективности его доктринальной догмы...³⁵». Такая же черта научного творчества была присуща его ученикам.

Кандидат исторических наук Н.В. Гришина проанализировала состав школы В.О. Ключевского и её роль в исторической науке и культуре России. Н.В. Гришина отметила, что ядро школы В.О. Ключевского составили ученики, защитившие под его руководством кандидатские диссертации. К их числу относятся П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, Н.А. Рожков, а также представители более молодого поколения ученых – С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, С.К. Богоявленский. Второй круг учеников В. О. Ключевского включал историков, оказавшихся под частичным влиянием его идей или личной харизмы. Третий круг «учеников» состоял из представителей широких слоев общества, испытавших на себе воздействие лекций или печатных работ В.О. Ключевского и сформировавших на их основе свои исторические представления.³⁶

Актуальным направлением историографических исследований в современной науке является дальнейшее изучение жизни и творчества В.О. Ключевского. Кандидат исторических наук О.В. Богомазова обратилась к мало освещенным аспектам частной жизни историка и показала взаимосвязь биографических сюжетов с его профессио-

³³ Попов А. С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии (дис. д-ра ист. наук). Пенза, 2002.

³⁴ Алеврас Н. Н. «В. О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история»)». *Magistra Vitae*, 2007, № 11, 132.

³⁵ Алеврас Н. Н. «В. О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история»)». *Magistra Vitae*, 2007, № 11, 133.

³⁶ Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. (Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010), 64–65.

нальной деятельностью³⁷. Специальное исследование О.В. Богомазова посвятила меморативному феномену – «Москва Ключевского». Она показала, какую роль сыграл столичный город в судьбе провинциала В.О. Ключевского и кем в итоге он стал для самой Москвы.³⁸ Совместно с Н.В. Гришиной О.В. Богомазова собрала юбилейные и мемориальные публикации о В.О. Ключевском, увидевшие свет за период с 1897 по 2007 год³⁹.

После публикации текстов лекций В.О. Ключевского по всеобщей истории, подготовленных на основе архивных материалов Р.А. Киреевой, исследователи задумались о неразрывной связи учёных разных поколений – дореволюционного и современного, историка В.О. Ключевского и его многолетнего исследователя-биографа Р.А. Киреевой, а также о методологии научной работы с архивными историографическими источниками⁴⁰.

Н.Н. Алеврас обратилась к диссертационной истории В.О. Ключевского. Она рассмотрела её как событие интеллектуальной биографии учёного, имеющее значение и в наши дни. Историк отметила:

«...Обращение к источникам формирования классического наследия позволяет понять смысл социокультурных практик научного сообщества и специальных коммеморационных технологий, которые задавали параметры сохранения памяти об учёном и его научных трудах...⁴¹».

Затрагивая вопрос экспертных оценок и рейтинга цитируемости учёных, получивших в среде профессионалов статус «классика» науки, Н.Н. Алеврас подчеркнула:

«...В познавательном процессе немаловажно определить, кто и каким образом выступает в роли своеобразного «оценщика» интересующего нас типа события и квалифицирует его как исторически значимое. Вероятны несколько подходов для получения ответа. Один из них ориентирован на изучение восприятия события тем/теми, кто был причастен к его возникновению (герой диссертационной истории и «свидетели-современники»). Другой – вытекает из необходимости установить «след», диссертационной истории-события в

³⁷ Богомазова О. В. «Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В. О. Ключевском)». *Вестник Челябинской государственной университетской*, 2009, № 23 (161), вып. 33, 151–159.

³⁸ Богомазова О. В. «Память о В. О. Ключевском в геокультурном пространстве Москвы в конце XIX–XX века». *Вестник Челябинской государственной университетской*, 2011, № 9 (224), вып. 44, 137–143.

³⁹ Богомазова О. В., Гришина Н. В. «Юбилейные и мемориальные публикации о В. О. Ключевском: Библиография (1897–2007 годы)». *Вестник Челябинской государственной университетской*, 2011, № 23 (238), вып. 47, 38–44.

⁴⁰ Алеврас Н. Н., Нохрин И. М., Богомазова О. В. «Открывая неизвестного Ключевского. Историк как творец национальной идеи». *Диалог со временем*, 2016, вып. 55, 41–61.

⁴¹ Алеврас Н. Н. «Диссертационная история учёного как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века». *Диалог со временем*, 2015, вып. 50, 220.

масштабах истории науки и культуры, а значит – определить его воздействие на других людей, принадлежавших уже иному времени...⁴²».

Оценивая магистерскую диссертацию В.О.Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1872 год), Н.Н. Алеврас проследила, как менялось отношение к ней научного сообщества на протяжении более чем 140 лет после её защиты:

«...Каждый новый виток обращения к «Житиям» Ключевского привносит новые черты в его образ или даже закладывает принципиально новые образы историка. В многослойной ретроспективе истории историографии можно наблюдать как первоначальный имидж Ключевского, созданный еще его учениками и современниками – историк-мыслитель, историк-художник, историк-социолог – начал было в опыте восприятия его магистерской диссертации советской историографией превращаться в противоречивый образ историка общественной мысли и даже историка атеистической направленности, к тому же, историка-неудачника. Рубеж XX–XXI вв. привнес инновационный мотив. Впервые ученые разглядели в Ключевском историка-методолога (именно это в свое время принципиально отрицала М.В. Нечкина), и источниковеда. Новый образ Ключевского дает основание говорить, что для современного поколения историков он своим анализом житий святых в магистерской диссертации выступил в роли создателя базовых основ учения о видах исторических источников, а потому, можно полагать, вписал свое имя в пантеон классиков исторического знания...⁴³».

Современная наука демонстрирует многовекторную направленность в историографическом изучении творческого наследия В.О. Ключевского. Продолжается осмысление отдельных теоретических положений его научной концепции исторического процесса – история Польши в оценке учёного⁴⁴, анализ им эпохи Смутного времени⁴⁵ и др. Развиваются компаративистские историографические исследования. Сопоставляются теоретические взгляды В.О. Ключевского и основателя киевской научной исторической школы В.Б. Антоновича⁴⁶.

⁴² Алеврас Н.Н. «Диссертационная история учёного как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века». *Диалог со временем*, 2015, вып. 50, 223–224.

⁴³ Алеврас Н.Н. «Диссертационная история учёного как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века». *Диалог со временем*, 2015, вып. 50, 237.

⁴⁴ Кручковский Т. Т. «История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского». *Веснік ГрДУ імя Янкі Куялы*, сер. 1, 2014, № 3 (183), 53–66.

⁴⁵ Попов А. С. «Историко-социологическое исследование В. О. Ключевским Смутного времени». *Известия Пензенской государственной педагогической университетской имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки*, 2012, № 27, 924–928.

⁴⁶ Воронов В. И. «Дисциплинарный образ источниковедения в исторической науке Российской империи конца XIX в. (на примере лекций В. Антоновича и В. Ключевского)». *Актуальные проблемы источниковедения*. (Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017), 7–9.

Сравниваются теоретические позиции В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского⁴⁷.

В 2016 году на малой родине В.О. Ключевского в Пензе состоялась VI международная конференция «Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе», посвященная 175-летию со дня рождения выдающегося историка. На ней были подведены общие промежуточные итоги современного состояния иконографии В.О. Ключевского и степени изученности его трудов российскими исследователями⁴⁸. Научная конференция в очередной раз продемонстрировала, насколько велико внимание учёных к фигуре известного московского профессора, и над какими вопросами историографам еще предстоит задуматься.

В этой связи обращает на себя внимание факт отсутствия в современной историографии работ, в которых был бы представлен комплексный анализ вопроса влияния школы В.О. Ключевского на формирование в Российской империи на рубеже XIX-XX веков национальных историографий, и в частности, – влияния школы В.О. Ключевского на становление исторической науки Беларуси⁴⁹.

В настоящее время остается до конца не разработанной проблема методологии научного творчества В.О. Ключевского. Анализ трудов историка показывает, что практическая реализация сформулированных им теоретических положений была намного глубже и масштабнее, чем в описанной им теории. Это касается методологии работы В.О. Ключевского с историческими источниками⁵⁰. Такой же вывод можно сделать и относительно традиционных методов исторической науки, которые использовал в своих трудах В.О. Ключевский – методов наблюдения, сравнения, обобщения, ретроспективы, типологии, статистического и терминологического анализа, научной исторической оценки⁵¹.

Констатация данного факта в очередной раз заставляет задуматься над вопросом особенностей сущностных черт позитивистской парадигмы исторического знания в России второй половины XIX - нача-

⁴⁷ Синицын О. В. «История историков: культурный диалог В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского». *Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность*. (Казань : Изд-во Казанского гос. архитектур.-строит. ун-та, 2015), 173–178.

⁴⁸ Афанасьева Т. К. «Изучение творческого наследия В.О. Ключевского в современной России». *Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе*. (Пенза: Изд-во ПГУ, 2016), 7–11.

⁴⁹ Матюшевская М. И. «Оценка научного творчества В. О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века». *Весті Національної академії наук України. Серія гуманітарних наук*, 2017, №1, 55–61.

⁵⁰ Матюшевская М. И. «Методология работы с историческими источниками в трудах В. О. Ключевского». *Российские и славянские исследования*. (Минск : БГУ, 2016), вып. XI, 185–192.

⁵¹ Матюшевская М. «Традиционные методы исторической науки в научном творчестве В. О. Ключевского». *Цивілізаційні дискурси світової та української історіографії* (Київ : Київ. ун-т ім. Б. Гринченка, 2017), 83–91.

ла XX века – формирования научной методологии В.О. Ключевского в контексте всей «русской исторической школы» этого периода. Факт наличия такой школы признавался советской историографией⁵². Эта тема остаётся актуальной и сегодня⁵³. Дальнейшее изучение методологии научного творчества В.О. Ключевского позволит уточнить имеющиеся в настоящее время в науке историографические оценки.

Не менее интересна тема исследования методологии В.О. Ключевского в контексте работ современных ему западноевропейских учёных. В первой половине XX века эту проблематику стали разрабатывать российские историки-эмигранты. Например, Г.П. Федотов указывал на отличия экономизма В.О. Ключевского от современной ему западноевропейской историко-экономической школы (Родбертус, Инама-Штернегг, Роджерс) и теоретических идей марксистов. Г.П. Федотов полагал, что В.О. Ключевский предвосхитил идеи М. Вебера, а в обращении со словом он может найти себе равных только среди символистов начала XX века. Г.П. Федотов пришёл к заключению: «...Ключевский, как всякий большой человек, во многом упредил свое время – был зачинателем, а не завершителем эпохи...⁵⁴». Сегодня этот вывод значим для нас как с точки зрения изучения исторического сознания российских учёных-эмигрантов первой волны, испытавших на себе мощное влияние научной харизмы В.О. Ключевского⁵⁵, так и для дальнейшего осмысления феномена российского позитивизма, «русской исторической школы», роли в её формировании В.О. Ключевского. Однако в современной историографии тема сравнительно-исторического анализа методологии В.О. Ключевского и западноевропейских учёных представлена пока фрагментарно.

Требуется дальнейшей разработки проблема изучения деятельности В.О. Ключевского как педагога. Можно согласиться с мыслью С.И. Маловичко о необходимости выделения в самостоятельную группу историографических источников социально ориентированное историописание, т. е. работа преподавателя по разработке курсов лекций по истории, спецкурсов по предмету является таковой. Это не кабинетная работа учёного, итог которой востребован академическим научным сообществом. Социально ориентированное историописание требует от историка умения взаимодействовать с людьми разного уровня теоретической подготовки, выполнять социальный заказ общества. В.О. Ключевский владел этим умением мастерски. Доказательством тому является разработанная им и представленная в

⁵² Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Издательство Казанского университета, 1988.

⁵³ Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000.

⁵⁴ Федотов Г. П. «Россия Ключевского». Судьба и трехи России. (Санкт-Петербург : София, 1991), т. 2, 331.

⁵⁵ Матюшевская М. И. «Творческое наследие В.О. Ключевского в научно-публицистической оценке Г.П. Федотова». *Вестник Гродзенскайа дзяржаўнай універсітэта імя Я. Куіалы*, сер. 1, 2016, т. 8, № 2, 71–78.

его трудах, написанных для студенческой аудитории, оригинальная методика построения научной модели исторического процесса⁵⁶.

Можно также согласиться с идеей, озвученной сторонниками интеллектуальной истории, о необходимости принятия современными учёными особой коммуникативной стратегии – «история для всех», «публичная история», которая ориентирована на публику за пределами профессионального научного сообщества. По оценке современных историков, В.О. Ключевский и в этой области научного творчества может сегодня служить ярким примером успешности такой работы. Как отмечает доктор исторических наук Д.М. Володихин,

«...Карамзина, Соловьева, Ключевского могла читать вся образованная Россия. У Виппера, Платонова и Лаппо-Данилевского была гораздо более скромная аудитория. Но и они могли быть интересны публике, когда писали, примеряясь к ее вкусам <...> Ими интересовались люди, стоящие бесконечно далеко от проблем исторической науки. А потом – как отрезало. Язык омертвел, образность исчезла...⁵⁷».

Современного историка надо учить правильно, связно, красиво говорить и писать, а это очень нелегкий труд. Д.М. Володихин ссылается на афоризм В.О. Ключевского: «Тяжелое дело – писать легко, но тяжело писать – легкое дело!».

Этот же афоризм применим к лекторскому таланту В.О. Ключевского. Все его слушатели отмечали присущую ему необыкновенную артистичность, математическую точность формулировок теоретических выводов и дар их преподнесения слушателям с такой наглядной ясностью, которая порой граничила с осязаемостью. Сегодня, анализируя лекторское мастерство В.О. Ключевского на основе воспоминаний его учеников⁵⁸, мы можем говорить о том, что он имел дар визуального мышления и умело им пользовался, когда преподносил результат своих трудов. Талантом теоретика, лекторским и актерским мастерством он мог пробуждать у учеников наглядно-образное мышление. Информацию, которая не в полной мере соотносилась с вербальными структурами, он на своих лекциях мог внушить, добиваясь эффекта, недостижимого при прочтении его опубликованных произведений. Этот опыт преподавания сегодня очень актуален. Он делает научно-педагогическое наследие В.О. Ключевского востребованным и значимым для нас⁵⁹.

⁵⁶ Матюшевская М. И. «Методика построения научной модели исторического процесса в трудах В. О. Ключевского». *Вестник МДУ им. А. Куляшова*, 1999, № 2–3 (3), 74–80.

⁵⁷ Володихин Д. М. «Тяжёлое дело – писать легко...» Адресат высказываний современного российского историка». *Диалог со временем*, 2012, № 38, 346–347.

⁵⁸ В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. Москва : Изд-во «Научное слово», 1912.

⁵⁹ Матюшевская М. И. «Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В. О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения ученого)». *Адукацыя і выхаванне*, 2015, № 12, 64–68.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н. Н. «В. О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история»)». *Magistra Vitae*, 2007, № 11, 132–146.
- Алеврас Н. Н. «Диссертационная история учёного как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века». *Диалог со временем*, 2015 вып. 50, 218–241.
- Алеврас Н. Н., Нохрин И. М., Богомазова О. В. «Открывая неизвестного Ключевского. Историк как творец национальной идеи». *Диалог со временем*, 2016, вып. 55, 41–61.
- Афанасьева Т. К. «Изучение творческого наследия В. О. Ключевского в современной России». *Творческое наследие В. О. Ключевской в истории, культуре и литературе* (общ. ред. Н. П. Берляковой). (Пенза: Изд-во ПГУ, 2016), 7–11.
- Богдасина Е. Н. Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.). Харьков : Изд-во Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина, 2013.
- Богдасина О. «Цивілізаційний дискурс у трактовці істориків-позитивістів підросійської України другої половини XIX – початку XX ст.» *Цивілізаційні дискурси світової та української історіографії* (за наук. ред. О. О. Салати). (Київ : Київ. ун-т ім. Б. Гринченка, 2017), 217–235.
- Богомазова О. В. «Память о В. О. Ключевском в геокультурном пространстве Москвы в конце XIX–XX веке». *Вестник Челябинской государственной университетей*, 2011, № 9 (224), вып. 44, 137–143.
- Богомазова О. В. «Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В. О. Ключевском)». *Вестник Челябинской государственной университетей*, 2009, № 23 (161), вып. 33, 151–159.
- Богомазова О. В., Гришина Н. В. «Юбилейные и мемориальные публикации о В. О. Ключевском: Библиография (1897–2007 годы)». *Вестник Челябинской государственной университетей*, 2011, № 23 (238), вып. 47, 38–44.
- Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск: Омский гос. ун-т, 2001.
- В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. Москва: Изд-во «Научное слово», 1912.
- Вишленкова Е. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.
- Володихин Д. М. ««Тяжёлое дело – писать легко...» Адресат высказываний современного российского историка». *Диалог со временем*, 2012, № 38, 343–352.
- Воронов В. И. «Дисциплинарный образ источниковедения в исторической науке Российской империи конца XIX в. (на примере лекций В. Антоновича и В. Ключевского)». *Актуальные проблемы источниковедения*. (отв. ред. М. Ф. Румянцева). (Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017), 7–9.
- Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010.
- Гулыга А. В. Эстетика истории. Москва : Наука, 1974.

- Ерофеев Н. А. Что такое история. Москва : Наука, 1976.
- Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. «К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки». *Вестник Тюменской государственной университетейта*, 2004, № 1, 79–91.
- Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. Москва: Высш. шк., 1981.
- Источниковедение (отв. ред. М.Ф. Румянцева). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. Москва: Наука, 1966.
- Кручковский Т. Т. «История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского». *Вестник ГрДУ імя Янки Куйалы*, сер. 1, 2014, № 3 (183), 53–66.
- Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII - середина XIX вв.) Москва: Едиториал УРСС, 1999.
- Маловичко С. И. «Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии». *Диалог с временем*, 2013, вып. 44, 112–126.
- Маловичко С. И. «Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания». *Вестник Санкції-Пейтердуріської университетейта*, сер. 2, вып. 4, 2015, 125–135.
- Матюшевская М. «Традиционные методы исторической науки в научном творчестве В. О. Ключевского». *Цивілізаційні дискурси світової іта української історіографії* (за наук. ред. О. О. Салати). (Київ : Київ. ун-т ім. Б. Гринченка, 2017), 83–91.
- Матюшевская М. И. «Методика построения научной модели исторического процесса в трудах В. О. Ключевского». *Вестник МДУ ім. А. Куляшова*, 1999, № 2–3 (3), 74–80.
- Матюшевская М. И. «Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В.О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения ученого)». *Адукацыя і выхаванне*, 2015, № 12, 64–68.
- Матюшевская М. И. «Оценка научного творчества В.О. Ключевского в российской историографии конца XIX-начала XXI века». *Вестці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя іуманійтарных навук*, 2017, №1, 55–61.
- Матюшевская М. И. «Творческое наследие В. О. Ключевского в научно-публицистической оценке Г.П. Федотова». *Вестник Гродзенскаїа дзяржаўнаїа ўніверсітэіта імя Я. Куйалы*, сер. 1, 2016, т. 8, № 2, 71–78.
- Матюшевская М. И. «Методология работы с историческими источниками в трудах В.О. Ключевского». *Российские и славянские исследования*. (Минск: БГУ, 2016), вып. XI, 185–192.
- Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Издательство Казанского университета, 1988.
- Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000.
- Мягков Г. П. «Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования».

- Диалог со временем, 2011, вып. 34, 206–214.
- Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. Москва: Наука, 1974.
- Нечухрин А. Н. «Парадигмальный подход в постсоветской историографии». *Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации* (под науч. ред. А. Н. Нечухрина). (Гродно: ГрГУ, 2013), 22–28.
- Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003.
- Покровский М. Н. Предисловие. *Русская историческая наука в классовом освещении*. (Москва : Изд-во Коммунистич. Академии, 1927), т. 1, 5–19.
- Попов А. С. «Историко-социологическое исследование В. О. Ключевским Смутного времени». *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки.*, 2012, № 27, 924–928.
- Попов А. С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии (дис. д-ра ист. наук). Пенза, 2002.
- Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2006.
- Посохов С. И. «Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX веков (к вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния)», *Диалог со временем*, 2011, вып. 36, 140–165.
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва: Кругъ, 2011.
- Репина Л. П. История исторического знания. Москва: Дрофа, 2006.
- Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства. *Сайт Источниковедение.ru*, режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/rumianceva_ld/16-1-0-137
- Рябова Л. К., Рябов А. А. «Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории». *Новейшая история России*, 2014, № 1 (09), 8–16.
- Синицын О. В. «История историков: культурный диалог В. О. Ключевского и А. С. Лаппо-Данилевского». *Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность*. (Казань : Изд-во Казанского гос. архитектур.-строит. ун-та, 2015), 173–178.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (отв. ред. А. О. Чубарьян). Москва: Аквилон, 2014.
- Федотов Г. П. «Россия Ключевского». *Судьба и трехи России*. (Санкт-Петербург: София, 1991), т. 2, 329–349.
- Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед. Москва: Наука, 1970.
- Эммонс Т. «Ключевский и его ученики». *Вопросы истории*, 1990, № 10, 45–62.

MARIYA I. MATSIUSHESKAYA

HISTORIOGRAPHIC ASSESSMENT IN THE CONTEXT OF THE PARADIGM OF THE SCIENTIFIC HISTORICAL KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF STUDYING THE SCIENTIFIC CREATIVITY OF V. KLJUCHEVSKY)

Assessment in historiography is a way of establishing the significance of scientific works of historians of the past for the development of modern science. The historiographical assessment depends on how the history of historical science is viewed from the standpoint of actual social and scientific values. Thanks to the value approach in historiographical research, historical science fulfills its most important functions: social memory, social education, accumulation and translation of scientific knowledge.

Dependence of historiographic evaluation on the change of paradigms of scientific historical knowledge can be traced on the example of the study of the creativity of the famous Russian historian of the second half of the 19 - early 20 century V. Kljuchevsky. In prerevolutionary Russian historiography, the range of opinions about the significance of his scientific works was unusually broad. Dominated by the assessment of V. Kljuchevsky as the founder of a scientific school influential in Russian historiography and the author of a new methodology for scientific historical research. This point of view in the first half of the 20th century continued to develop Russian immigrant historians. In Soviet science, the evaluation of creativity VO. Kljuchevsky was given on the basis of Marxist-Leninist ideology, the opinion about the historian as a positivist was fixed. There is a rethinking of the contribution made by the scientist to the historical science today.

Comparative analysis of the theoretical concept and empirical methodology of V. Kljuchevsky allows us to conclude that he left the ideas of positivist historical science. Traditional methods of historical research, which were used by the source study, are relevant for modern science. This conclusion is also applicable to the evaluation of the pedagogical experience of V. Kljuchevsky.

KEY WORDS: axiology, comparativistics, scientific discourse, scientific school, methodology of history, source study, positivism, intellectual history, public history, Moscow University.